

Т.Ф.Шумарина, Т.Ю.Ковалевская

Ономастика Марка Вовчка и И.С.Тургенева

(к вопросу атрибуции)

Прикладные проблемы ономастики с каждым годом привлекают к себе внимание всё более широкого круга лингвистов и литературоведов. К данной категории проблем следует отнести и такую задачу науки об именах собственных, как атрибуция текста. Неудовлетворительные результаты традиционных методов решения загадки о личности переводчика произведений украинской писательницы XIX века Марко Вовчок заставили нас обратиться к потенциальным возможностям имён собственных.

Почти пятидесятилетний творческий путь М.А.Вилинской начался в 1858 году, когда в Петербурге вышла книга на украинском языке «Народні оповідання», подписанная неизвестным именем «Марко Вовчок». Поистине решающим в продолжении творчества и развитии таланта писательницы стало её знакомство, а в дальнейшем и тесные дружеские отношения с двумя величайшими мастерами украинской и русской литературы - Т.Г.Шевченко и И.С.Тургеневым. Тургенев был потрясён свежестью и самобытностью «Народних оповідань».

В трудное для молодой писательницы время, когда озлобленная критика стремилась принизить социально-культурное и художественное значение её произведений, Тургенев, уже признанный авторитет в области литературы, стремясь защитить расцветающий талант, соглашается стать переводчиком ее произведений. И в 1859 г. вышли «Украинские народные рассказы». На титульном листе этого издания указано, что перевод выполнен И.С.Тургеневым.

Однако некоторые исследователи высказывают предположение, что великий русский писатель не переводил эти произведения и что перевод принадлежит самой Марко Вовчок. Данная точка зрения не лишена оснований, поскольку приблизительно в это же время выходят в свет в авторском переводе сказки «Невільничка», «Дев'ять братів і десята сестриця Галя», «Кармелюк», повесть «Маруся» и т.д. Возможно ли однозначное решение данной проблемы? Думается, что нет. Однако, на наш взгляд, вполне реальными аргументами вероятного авторства переводов могли бы стать заключения ономастического анализа русских текстов обоих авторов.

Цель данной работы - приняв априори две гипотезы: 1) авторство принадлежит И.С.Тургеневу; 2) авторство принадлежит Марко Вовчок - путём сравнительного анализа выявить константное соответствие перевода ономастических единиц, чем и подтвердить авторство текстов. Ведь приемы, стиль переводчика сродни стилю автора, писателя, имеющему индивидуальные, неповторимые черты, по которым художник становится легко узнаваемым. Попытаемся аргументировать каждую из представленных точек зрения, первая из которых декларирует авторство Тургенева.

Представляя свое творение на суд русской публики, писатель доказал свой профессионализм, свою полную состоятельность как переводчика в предосланном книге предисловии, продемонстрировав исчерпывающее понимание основных целей любого перевода: «Малороссийская читающая публика давно уже познакомилась с «Народными рассказами» Марко Вовчка, и имя его стало дорогим, домашним для всех его соотечественников. Чувствовалась потребность сделать его таким же и для великорусской публики, которая не могла быть вполне довольна появившимися переводами, носившими слишком явный отпечаток малороссийской речи. Взвзвись удовлетворить этой потребности, пишущий эти строки поставил себе задачей – соблюсти в своем переводе чистоту и правильность родного языка и в то же время сохранить, по возможности, ту особую, наивную прелесть и поэтическую грацию, которою исполнены «Народные рассказы». Насколько удалась ему эта задача – в особенности её вторая, труднейшая часть – остаётся судить благосклонному читателю» [1:5].

Отдавая дань национальному колориту произведений Марко Вовчок, в переводах Тургенев в целом сохраняет украинские фонетические черты антропонимов. Как известно, основной набор имён у восточнославянских народов исторически является общим, однако каждый из именников имеет определённые фонетические и словообразовательные особенности. По свидетельству украинских ономастов, «характерною фонетичною рисою українських імен є, наприклад, заміна церковнослов'янського а на о; е на я, о; до кінцевих приголосних у багатьох чоловічих іменах в українській мові додається о» [2:7]. Эта особенность украинских имён сохраняется в переводах И.С.Тургенева: *Опанас, Олександра, Петро, Явдоха*. Национальной языковой специфике отдается предпочтение и в передаче квалитативов, демину-

тивов: *Ивась, Семенко, Тышко, Гриць, Олеся*. Объективности ради следует здесь заметить, что и в переводах Марко Вовчок прослеживается аналогичная особенность: Ярема, Охрим, Илько, Ивась. Марко Вовчок оказывается даже более последовательной в своих взглядах на способ передачи антропонимов. Посредством транслитерации она представляет имена практически во всех своих трудах. Тургенев же предпочитает вариативность, то есть одно и то же христианское имя, даже в пределах одного произведения, может передаваться то в русской, то в украинской фонетической огласовке.

Таким образом, в отличие от Марко Вовчок, И.С.Тургенев прибегает не только к транслитерации, но и к, по сути дела, переводу. Напр., в рассказе «Козачка» - Андрий и Андрей, в повести «Институтка» - Прокип и Прокоп, Ганна и Анна. Однако по поводу последнего случая необходимо дать некоторые комментарии. На наш взгляд, у Тургенева отчётливо проявляется присущая оригинальным произведениям этого писателя стратификационная и ситуативная антропонимическая вариативность, которую он привносит и в переводы. Варьирование русских и украинских форм обусловлено социальным статусом именуемого или адресанта: в «Козачке», где именование встречается в речи автора, стилистически маркирован украинский вариант (А к ней подходит то Ганна, то Мотря, то Явдоха), в «Институтке» же речь ведётся от лица барыни, беседующей с молодой и образованной дочерью, предпочитающей русский язык, что, по мнению Тургенева, не могло не повлиять на выбор русского именного варианта Анна. Русской адаптации подвергнуты были писателем также украинские деминутивы и мелиоративы: Катря – Катя, Устинка – Устинька, Устина – Устинья. Сопоставив способ передачи тождественных вариантов в текстах Тургенева (Андрей (Козачка), Анна (Институтка), Катя (Чумак) и Марко Вовчок (Андрий (Маруся), Ганна (Воришка), Катруся (Праздничный сон)), невозможно не заметить бросающейся в глаза оригинальной, отличающейся от Марко Вовчок, переводческой манеры. Известная свобода в обращении с собственными именами подлинника объясняется стремлением Тургенева сделать произведения Марко Вовчок «дорогими», «домашними» для русского читателя. Его приверженность к переводу (а не транслитерации) распространилась даже на фамилии и топонимы. Например: «Стара до Петра Шостозуба» – «Старуха – к Петру Шестозубу» (Козачка), Бондар - Бондарь (Чумак),

с.Дзвонарі – с.Звонари (Чумак). Хотя в данном случае следует оговориться: закономерным для Тургенева подобный способ назвать нельзя. Так, семантически немотивированным оказывается корень в фамилии Дидич. Как известно, древнерусский гласный ѣ последовательно в украинском языке изменяется в [і], а в русском - в [э]. Следовательно, в случае перевода должна была бы появиться форма Дедич. Однако Тургенев предпочел транслитерацию, как и в целом ряде других случаев. Стремление Тургенева к переводу некоторых онимов можно, вероятно, объяснить принципом умеренности. Чрезмерная украинизация русского текста поставила бы его работу на один уровень с уже имеющимися переводами, не удовлетворявшими русского читателя.

Отличительной особенностью, характеризующей переводческий стиль Марко Вовчок, является транслитерация собственных имен, в частности фамилий: *Малюк, Кныш, Зозуля, Крук*. Безусловно, теорией перевода в отношении имён, имеющих свою семантику, допускаются оба способа передачи онимов, как транслитерация, так и перевод. Однако Марко Вовчок в отношении фамилий непреклонна. Иное дело зоонимы. Так, омонимичный приведённому выше антропониму Крук зооним Крук (ворон) автором переводится, хотя и в подстрочном примечании. Думается, что вынудило переводчицу на столь нетипичный ономастический приём обстоятельство семантической связи, а вернее дифференциации пары кинонимов (Крук–Лобко). Оценивая переводы Марко Вовчок с позиции русского читателя, вряд ли можно утверждать, что транслитерация именованій является оптимальным способом передачи литературного онима. Ведь в художественном произведении и, в частности, у самой Марко Вовчок явно присутствуют прямо и косвенно характеризующие антропонимы. Так, в трёх произведениях встречается фамилия Кныш *пшеничный хлеб*, но только у лиц знатного происхождения; Ласун *сластёна* - его «...с золота и серебра сладко кормили»; Самко (фамилия, образованная от местоимения *сам*)-мальчик-сирота. Однако вследствие транслитерационного перевода все эти факты оказались скрытыми, потерянными для читателя. Может быть, в сознании вдумчивого русского читателя также родились бы ассоциации при наличии перевода таких, например, топонимов, как с. Сокирки, хутор Гоны, могила Дивоча. Однако для топонимов, образованных безаффиксным способом, Марко Вовчок

исключений не делает. Аффиксальные дериваты, как правило, подвергаются фонетико-грамматической адаптации: Вороновка (из Воронівка), Остаповка, Запорожье, Поддубное, могила Надднепровка; ср. также на Подоле (на Подолі), из Ланов (з Ланів). В составных наименованиях ею предпочитают полукальки: Красный Кут, Кривые Хресты.

Тургенев также прибегал к фонетико-грамматической адаптации, но, в отличие от Марко Вовчок, у него превалирует склонность к переводу, ср. Дзвонарі - Звонари (у Тургенева) и Хрести - Хрести (у Марко Вовчок). Отличительной особенностью переводов И.С.Тургенева можно считать и перенесение в русский текст звательной формы, как известно, отсутствующей в переводящем языке. Марко Вовчок же в своих переводах этого периода ни разу не воспользовалась украинским обращением. Правда, в более поздних её работах названная особенность украинской морфологии появляется: «Иди, иди, Иване» (Воришка) и т.д. Может быть, мастерство Марко Вовчок как переводчика совершенствовалось под влиянием более зрелых мастеров, например того же Тургенева? Хотя надо признать, что даже в употреблении звательной формы у двух писателей можно заметить различия. В частности, это касается тех случаев, когда обращение складывается из двух слов. Тургенев более консервативен: он постоянно придерживается одного варианта, то есть окончание звательной формы есть только у нарицательного, а собственное остаётся в именительном падеже. У Марко Вовчок встречаются оба возможных варианта (пане Андрий, пане Иване). Ещё одним доказательством авторства Тургенева может быть наличие допущенной переводчиком неточности в образовании звательной формы (Ой, Семеночко, Семеночко: Козачка). То, что в данном случае представлена именно звательная форма, а не перевод, доказывает отсутствие в русской антропонимии подобного мелиоратива от имени Семён. В украинском языке, как известно, существительные II склонения мужского рода в звательном падеже имеют флексию -у, -е, но не -о.

Максимально проявляется индивидуальность переводчика в регулярности следования личным шаблонам, собственным традициям в передаче широко известных топонимов. Имеющиеся факты позволяют утверждать, что переводы «Народних оповідань» и «Институтки» не могли быть осуществлены Марко Вовчок самостоятельно, то есть без участия И.С.Тургенева. Перевод топонима Украина объясняет катего-

ричность нашего утверждения: в русских текстах Тургенева оригинальные варианты *Вкраїна/Україна* передаются как Украина, а в русских текстах Марко Вовчок – Украина. Таким образом, думается, что изложенные выше факты могут явиться доказательством если и не авторства, то, по крайней мере, соавторства Тургенева в качестве переводчика «Народних оповідань».

Пытаясь привести аргументы в защиту авторства Тургенева, мы невольно выдвинули и даже частично обосновали новую гипотезу о соавторстве русского и украинского мастеров слова. Доказательством данного мнения могут служить черты сходства в передаче антропонимических единиц обоими авторами. Симптоматичным является тот факт, что и в переводах Тургенева, и в переводах Марко Вовчок склонение имен типа Данило, Кирило осуществляется как по мужской, так и по женской парадигме. Ср. у Тургенева: *Данила Мороза, к Михаїле Дидичу*; у Марко Вовчок: *Данилу, с Михайлой, к Даниле, у Данилы*. Следовательно, можно предположить, что эта тенденция случайно совпала у обоих переводчиков либо приписываемые Тургеневу переводы – результат совместного труда и эта особенность переводческого стиля принадлежала Марко Вовчок. Для контраста упомянем переводы Г.Петникова. Его стилю присуще единообразие – последовательная приверженность только одному варианту – мужской парадигме.

Адекватность двух переводов демонстрируется и употреблением форм на *-ко*. В XIX веке фамилии, оканчивающиеся на *-ко*, свободно употреблялись то в склоняемом, то в несклоняемом варианте, причём как в украинском, так и в русском языке. Ни в одном из анализируемых переводов вариативность не отмечается. Данные формы представлены только в склоняемом варианте. К подобию следует отнести и перевод на фонетическом уровне. В работах обоих авторов прослеживается общая тенденция в передаче украинских звуков [и], [е] посредством идентичных графем русского языка, вследствие чего при аудировании данного русского текста некоторая часть лексем воспринимается как искусственная: [п'ил'ип'ихъ], [гр'иц'], хотя основная масса подобных фактов не вызывает нареканий в силу их естественной аналогии: ср. у Тургенева: Литва-Л[и]тва, Бобрика-Бобр[и]ка, Дідича-Дид[и]ча; у Марко Вовчок: Івасем - Ива[с'э]м, Меласі - [м'э]ласи и т.д.

Фонетической и орфографической адаптации в переводах как Марко Вовчок, так и Тургенева подвергаются флексии некоторых антропони-

мов и топонимов. В украинской фонетической системе звук ц может быть твёрдым и мягким, в русской - только твёрдым. По правилам русской орфографии в окончаниях и суффиксе -ын следующий за ним звук ы может передаваться графемой ц. Учитывая русский фонетико-орфографический комплекс, Тургенев предлагает Кумиці как Кумыцы, Дубці как Дубцы. Подобные факты отмечаются и у Марко Вовчок. В украинском языке звук ш может быть и твёрдым, и полумягким. В русском - всегда твёрдым. Однако в орфографически выдержанном переводном тексте во флексиях представлена буква и (Книші - Кныши). Вероятно, доказательством общности может быть и единообразие некоторых приёмов, например замена имени нарицательного в оригинале именем собственным в переводе, пропуск онима в переводном тексте и др.

Думается, что в отношении собственных имён свобода переводчика значительно более ограничена, чем самого автора. Свою независимость Марко Вовчок подтверждает введением в текст перевода имён, которых вообще не было в её оригинале, также представляется, что именно ею, а не официальным автором перевода был решён вопрос о замене одного личного имени другим в русском варианте «Институтки»: *...аце Варка -...это Марья*.

Итак, сопоставительный анализ ономастических единиц переводных текстов привёл нас к отрицанию известных точек зрения о принадлежности авторства переводов произведений Марко Вовчок. Однако в свете представленных выше ономастических фактов и выводов выдвинутая гипотеза о соавторстве двух мастеров слова, на наш взгляд, может быть признана как одна из достаточно вероятных.

Думается, что роль ономастики в решении атрибуционных задач в должной мере еще не оценена. А между тем анализ именно ономастического материала позволил нам предположить, что творческие отношения И.С.Тургенева и Марко Вовчок не ограничивались ролями «учитель» - «ученица», а носили полноценный соавторский характер.

1. Марко Вовчок. Народные рассказы и сказки.-М.,1954.
2. Масенко Л.Т. Українські імена і прізвища.-К., 1990